Обсуждение мастеров на семинарах: Pro et contra

Обсуждение работ мастеров участниками семинаров на Совещаниях молодых литераторов – неоднозначная практика, дискуссии о которой продолжаются не первый год. На Международном молодёжном литературном фестивале «Ко-Рифеи», проведённом этой осенью в Уфе, в некоторых семинарах прошли такие обсуждения. Мы собрали мнения нескольких мастеров и участников о том, нужна ли эта практика. Вопрос о том, приживётся ли она, и какие формы примет в будущем, остаётся открытым.

***Светлана Попова** (участник семинара):*

– Если просто высказать мнение про обсуждение стихов мастеров, то мне показалось, это круто. Это важно и не просто из-за доверия (хотя, да, это очень важно, и что некоторые мастера испугались и не сделали этого, тоже говорит о чём-то), а из-за того, что берясь за конструктивную критику мастеров, мы, будто подтягиваясь на перекладине, поднимаемся на их уровень, с которого уже можем что-то говорить об их стихах. С уфимского совещания Айбулат вообще предложил обсуждать не только мастеров, но и классиков, уделяя большое внимание удачным, сильным моментам и, конечно же, говоря о слабых сторонах (если такие есть) и недочётах. Мне очень понравилось работа с нашими мастерами Поэзии-2. И как мы обсуждали их тексты, и как они на это реагировали. По-моему, очень достойно. Эксперимент, на мой взгляд, был интересным и удачным. И это круто. К тому же, даже если ты мастер, когда тебя только хвалят, никакого развития не происходит, когда тебе показывают на объективные недочёты и субъективные нюансы, тогда происходит осмысление и ещё один шаг вперёд. Но мне интересно было бы знать, что думают мастера об обсуждении их текстов нами.

***Елизавета Мартынова** (мастер семинара поэзии):*

– Что касается обсуждения текстов руководителей семинара – мнение у меня чисто теоретическое, поскольку сама «обсудиться» не успела.

Я нормально отношусь к конструктивной критике, рада ей. Помню свой первый семинар в Химках в 2018 году, это было замечательно.

Но тут дело не в моем отношении к критике, а в продуктивности таких обсуждений.

На мой взгляд, обсуждение произведений руководителей интересно скорее как эксперимент – самим руководителям и наиболее сильным участникам семинара.

Начинающим авторам (а особенно тем, кто приехал на совещание впервые) оно особой пользы не принесёт, поскольку им нужно ещё учиться культуре понимания чужого текста. А тут им предложат для обсуждения что-то довольно-таки сложное, и начинающему автору будет трудно, да и неловко.

Поэтому, на мой взгляд, стоит сначала попробовать провести такой «семинар для руководителей» отдельно (с присутствием семинаристов в качестве слушателей). Это было бы продуктивнее – как учёба.

***Светлана Чураева** (мастер семинара прозы):*

– Обсуждать на семинарах руководителей? Да! Я, безусловно, за. Во-первых, это справедливо: обидно, когда ты всех читаешь, как проклятый, а тебя – никто. Мы тоже люди и тоже хотим обратную связь – не отзывы на уже опубликованные вещи, а помощь коллег, способных показать тебе твой текст со стороны. Во-вторых, это опять же справедливо: одно дело – критиковать других из укрытия опыта, возраста и условно статуса, а другое – выходить с открытым забралом, зная, что тебе тоже может достаться. В этом случае приходится держать марку и доказывать свою правоту как мастера именно мастерством, а не возрастом.

Всё-таки обсуждения на семинарах – это главным образом диалог, рождающий нечто вроде истины. А диалог не может быть односторонним. Когда начинаешь безапелляционно вещать, сразу перестаешь быть мастером – парадокс, но я уверена, что это так. Пишущему человеку очень важно сохранять ощущение своей уязвимости, иначе нарастает короста и перестаешь чувствовать мир. Тогда ты плохой писатель. В-третьих, обсуждение мастеров полезно и самим семинаристам: как правило, вести семинар зовут не абы кого, и почему бы не дать участникам попробовать поупражняться в анализе текста неплохого уровня. Ну, и наконец, это просто весело и бодряще. Если на Химках будет блок, в котором можно обсуждать мастеров, то хочу туда.

И ещё: непосредственно на совещании в Уфе мне очень важно было услышать коллегу по семинару: именно Андрей Тимофеев дал мне ювелирно точный совет, который я не могла бы получить больше нигде. Так что и это здорово: в ворохе рукописей мы должны прочитать друг друга и, не отвлекаясь на суету, сказать: вот тут у тебя подвинтить бы.

***Мария Четверикова** (мастер семинара поэзии):*

– В 2003 году в Томске состоялся Второй Всесибирский семинар молодых писателей, который стал моим первым большим семинаром. Нашими руководителями были большие писатели из разных городов – от Москвы до Читы – Роман Солнцев, Михаил Вишняков, Анатолий Кобенков, Юрий Кублановский, Станислав Золотцев и многие другие. А всего было девятнадцать руководителей! В моей секции поэзии было семь мастеров! Мы, участники семинара, не высказывались по рукописям друг друга, только слушали. И какая это была школа! Как много бесценного, живого, мудрого мы почерпнули! Руководители часто не соглашались друг с другом, но неизменно приходили к общему пониманию, потому что все они были профессионалами высокого уровня. И важно то, что мы, семинаристы, тоже приходили к этому общему пониманию литературы как деятельности, требующей мастерства, таланта, совести.

Прошло семнадцать лет, многое изменилось. Чаще всего руководителей на одной секции семинара – два-три человека, семинаристы обсуждают друг друга. И вот в этом взаимном обсуждении вроде как есть польза для самих обсуждающих – учатся разбирать рукопись, воспитывают внутреннего редактора. Но нам говорили, что нужно учиться разбирать чужие рукописи, работая в своем литературном объединении. Что семинар – место, где все, что ты услышишь, нужно впитывать, потому что это не мнения, не впечатления тех, кто тебя прочел, это обратная связь максимально высокого уровня, каждое слово которой – помощь твоему росту, если ты на него способен. И очень хотелось быть способным. Оправдать то внимание, что тебе уделили, работать, работать, работать…

Сегодня чаще всего семинаристы плохо себе представляют, кто их мастера. И, возможно, единственный способ показать тем из них, кому это интересно, есть ли школа у самих руководителей, что они исповедуют, это разослать семинаристам накануне совещания небольшие подборки мастеров. Мы с Юрием Татаренко (как руководители одного из семинаров поэзии) приняли участие в таком эксперименте на Всероссийском совещании молодых писателей в Уфе. Наверное, хорошо, что семинаристы представляли себе, кто и с каких позиций дает им обратную связь по рукописям. Наверное, плохо, что семинаристы в некотором смысле оказались заложниками при обсуждении рукописей мастеров (разозлишь их, мол, они потом и отомстить могут). Хочется верить, что хотя бы одному-двум семинаристам такое обсуждение пошло на пользу, как и обсуждение рукописей друг друга (ведь во многих регионах литературные объединения работают по типу книжных клубов, литературных посиделок или проходят без руководителя).

Такой эксперимент с обсуждением рукописей мастеров был бы невозможен в том 2003 году. Потому что мы сами жадно читали своих руководителей, просили у них книги, потому что они были много старше и опытнее нас, прошли намного дальше, и мы своим обсуждением ничего бы им дать не могли. И вспоминая это, очень сложно не горевать по утерянному уровню – как жила литература, как литературе учили. Но все меняется. Возможно, когда-нибудь мы сумеем вернуться на ту высоту, которую уже однажды взяли до нас. Возможно, что и нет. Но стремиться к этому, мне кажется, нужно.

«В минуты роковые...»

Беседовал Андрей Тимофеев

(Начало – стр. 1)

– Андрей, когда вы говорите, что в конце прошлого века писателей разделяла политика, создается впечатление, будто это нечто внешнее. «Далась им эта политика!» – отмахнутся молодые читатели. А вы сформулируйте по-другому: отношение к России, к народу.

Примириться писатели пытались неоднократно. Последний раз в конце 90-х годов. Секция критики устроила в ЦДЛ обсуждение новых рассказов Валентина Распутина. Тогда уже не все его любили, но уважали все. Устроители рассчитывали, что творчество выдающегося писателя примирит антагонистов – как имя Пушкина во время юбилейных торжеств 1880 года. Действительно, пришли и патриоты, и либералы. Выступали через одного. В числе первых, если не ошибаюсь, Владимир Огнев, влиятельный критик умеренно либеральных взглядов. Он высоко оценил рассказы за правду жизни, дескать, прозаик показал, что, если русского человека не отхлестать, тот ничего не сделает. Не ручаюсь за точность формулировок, но смысл был именно такой. Затем слово дали мне. Я сказал: «Последнее время немало говорят о необходимости объединения союзов. Но я не могу объединяться с теми, кто хочет отхлестать русского человека».

В ту пору либералы зачитывались повестью Василия Гроссмана «Все течет». Приведу цитату: «Крепостная душа русской души живет в русской вере, и в русском неверии, и в русском кротком человеколюбии, и в русской бесшабашности, в хулиганстве и удали, и в русском скопидомстве и мещанстве, и в русском покорном трудолюбии, и в русской аскетической чистоте, и в русском сверхмошенничестве, и в грозной для врага отваге русских воинов, и в отсутствии человеческого достоинства в русском характере».

Борьба не ограничивалась словесной сферой. Наша беседа рассчитана в основном на молодых, возможно, они не знают недавней истории. Конец 80-х – начало 90-х – эпоха сепаратизма и русофобии. По окраинам Союза размашисто шагал парад суверенитетов, то и дело оборачиваясь погромами. В Баку в январе 1990-го, в Душанбе в феврале того же года.

Писатели «союзных» республик активно участвовали в сепаратистских движениях. Приводить имена можно списками, не стану. Но два имени назову. Звиад Гамсахурдия, литературовед, член Союза писателей, первый президент Грузии, и Зелимхан Яндарбиев, поэт, литературный чиновник в СССР, второй президент Ичкерии (Чечни). Оба отъявленные русофобы. Сборник стихов Яндарбиева трогательно назывался «Сажайте, люди, деревца». Сколько русских людей погубил этот любитель живой природы!

В Москве либеральная интеллигенция, в том числе писательская группа «Апрель», активно поддерживала окраинные выступления. В столице регулярно проходили многотысячные шествия «За нашу и вашу свободу!». Пресса была переполнена статьями, где русских изображали притеснителями соседних народов, тупыми, ленивыми существами, склонными к алкоголизму.

Как в таких условиях должны были вести себя русские писатели? Валентин Распутин и Василий Белов отложили работу над художественными произведениями и публиковали злободневные статьи, выступали на Съезде народных депутатов и на вечерах «Нашего современника», собиравших стадионы. Всегда чуравшиеся политики, они вошли во властные структуры, пытаясь защитить русских людей.

Спустя тридцать лет страсти как будто улеглись. Но почитайте запальчивые выпады Натальи Ивановой, Дмитрия Быкова и вы увидите, что пламя не погасло. Быков провозгласил: «Это не страна Александра Казинцева и Владимира Бондаренко… Это не их страна, и они не имеют на нее права, это моя страна».

Не знаю, какую страну Быков называет своей. А еще сорок лет назад писал о России:

Страна моя, моя родная,
в снегу, бетоне и стекле.
И все-таки такая земляная –
Как и положено родной земле.

– За сорок лет вы работали со многими знаковыми русскими писателями и публицистами. Кого бы вы особенно выделили среди них? Кто был вам дорог не только как писатель, но и как человек?

– Я уже называл дорогие для меня имена. Добавлю к ним Юрия Селезнева, демографа Галину Литвинову, эколога Фатей Шипунова, замечательного поэта-фронтовика Виктора Кочеткова, публициста Ирину Стрелкову. Конечно, Василия Белова – горячего, вспыльчивого и тут же готового примириться, наивного в житейских делах и проницательного, когда речь шла о движениях души. Белов заходил в редакцию после заседаний Съезда народных депутатов – бледный, возмущенный той ложью, которую изливали на Россию делегаты «союзных» республик. По-моему, Василий Иванович так и не оправился от этих потрясений.

Особо скажу о Валентине Распутине. Для меня он не только живое воплощение таланта, но и образец человека, следующего заповедям Христа. Помните завет: «…Вы должны умывать ноги друг другу». Люди ввели суровые посты, строгие правила поведения, подозреваю, за тем именно, чтобы без угрызений совести не соблюдать простейшие, но такие трудноисполнимые правила Спасителя: возлюби ближнего своего, приюти бездомного и это «умывайте ноги», то есть не превозносите себя перед другими. Как учителю, лидеру склониться перед теми, кого он – на полном основании – считает ниже себя? Но эта гордыня – от недостатка любви. А Христос воплощал в себе любовь к человеку. Ее отсвет отразился в душе Валентина Григорьевича.

Сколько раз мы с коллегами прилетали в Иркутск, и Распутин всегда встречал на аэродроме. А ведь самолет из Москвы прилетает еще затемно. И обязательно провожал – до паспортного контроля, дальше не пройти. Как-то он выхлопотал для друга-писателя премию, и тот на премиальные купил две меховых шапки. В одной щеголял в аэропорту, другую, как ему казалось, положил в багаж. И вдруг перед вылетом обнаружил, что оставил ее в гостинице. Как переживал Валентин Григорьевич! Тут же связался с гостиницей, послал нарочного в город. А тот, кто вызвал переполох, знай себе важно расхаживал по залу.

Мне дороги и более личные воспоминания. Моя жена собирает морские камешки и красиво укладывает их в аквариумы с водой. Привозим отовсюду: с теплых морей, с берегов северных рек. Ей очень хотелось полюбоваться камешками с Байкала. Прилетев в Иркутск, рассказал об этом Распутину. Когда нас вывезли на Байкал, Валентин Григорьевич вместе со мной взялся за поиски. Но на берегу лежали здоровенные булыги. На следующий день Распутин принес из дома очаровательный брусочек бирюзы: передайте супруге. На мое сомнение: «Ведь это не галька с берега», – он, по-детски улыбнувшись, ответил: «А мы расколем брусок и скажем, что нашли на Байкале».

При огромной известности Валентин Григорьевич был невероятно скромен. Как-то он пришел в журнал, когда никого из начальства, кроме меня, не было. Хоть я и не курирую прозу, взял принесенную рукопись. И в тот же вечер позвонил Распутину, чтобы выразить восхищение. Знаменитый писатель растрогался: «Александр Иванович, первый раз в жизни мне звонят из редакции в тот же день, как принес рукопись». Даже сейчас вспоминаю Валентина Григорьевича и на душе светлеет.

– Недавно был еще один юбилей – 90 лет со дня рождения Вадима Кожинова. Каким вы запомнили Вадима Валерьяновича? Насколько актуален Кожинов сегодня? Поделюсь один своим соображением, не знаю, насколько вы согласитесь со мной. На мой взгляд, Кожинов, Палиевский, Лобанов ценятся той частью литпроцесса, которую можно условно назвать «патриотической», в основном за свои общественные взгляды и за верность русской идее. А другая часть литпроцесса, по сути, вообще не интересуется их наследием. Тогда как эти критики – вершины, вполне сравнимые с Белинским, Григорьевым, Страховым, Розановым, Бахтиным. Придет ли время осмысления их творчества? Все они были постоянными авторами «Нашего современника». На какие их работы вы посоветуете сейчас обратить особенное внимание?

– Если до сих пор я не говорил о Вадиме Кожинове, то лишь потому, что ждал от вас вопроса о нем. Вадим Валерианович сыграл огромную роль в становлении журнала, сравнимую с ролью главных редакторов Сергея Викулова и Станислава Куняева. Молодые ребята, которых он привел в «НС» в начале 90-х, называли его «генеральный секретарь». Он привлек к сотрудничеству видных мыслителей и ученых, подсказал множество тем, предложил к публикации ценнейшие архивные материалы. И, конечно, способствовал существенному обновлению редакции. Вадим Валерианович говорил мне: «Делайте ставку на молодых. Состоявшиеся авторы уже сказали то, с чем пришли в литературу. Нового слова можно ждать именно от молодых».

Он и меня привел в «Наш современник», правда, на десять лет раньше, чем свою «молодую гвардию». И потом поддерживал советами, предложениями совместной работы. Вадим Валерианович хотел, чтобы я написал несколько статей для книги по истории XVII-XIX веков, которой собирался закрыть временной пробел в своем многотомном исследовании русской истории. К сожалению, из-за моей медлительности замысел не осуществился.

Мне особенно дорого кожиновское предисловие к книге «Россия над бездной. Дневник современника 1991-1996», где знаменитый критик высоко оценил мои аналитические и литературные способности: «Чем замечательна сегодняшняя публицистика Александра Казинцева, привлекшая внимание, вызвавшая такой интерес, если угодно, очаровывающая читателя? Прежде всего тем, что злободневность, постановка самых животрепещущих проблем сочетается в его произведениях с широким пониманием всего исторического развития России и мира».

Один известный литератор заметил, что значение критика определяется тем, какого писателя он сокрушил. Понятно, литературу нужно чистить от дутых авторитетов. Но насколько плодотворнее умение открыть писателя, показать его своеобразие и значимость! Именно таким был основной дар Вадима Кожинова. Показательна его книга «Статьи о современной литературе», выпущенная издательством «Современник» в 1982 году. В нее вошли статьи о Василии Шукшине, Василии Белове, Владимире Соколове, Николае Рубцове, Алексее Прасолове. Отличный подбор имен, скажете вы. Это действительно лучшее, что было тогда в литературе. Но значение книги в том, что статьи были написаны, когда авторы только начинали свой путь. Кожинов откликнулся на первую книгу Белова, первую книгу Шукшина. Он проницательно отметил, что шукшинский рассказ «Степкина любовь» «принадлежит к настоящему искусству». Примечательно, что Вадиму Валериановичу пришлось отстаивать высокую оценку в полемике с известным критиком, который камня на камне не оставил от произведения начинающего писателя.

Счастлив, что мне удалось напечатать рецензию на книгу Кожинова. Остановлюсь на этом чуть подробнее, потому что ситуация характеризует положение дел в тогдашней литературе. После скандала со статьей «И назовет меня всяк сущий в ней язык» Кожинов на какое-то время стал «непубликабельным». И вот в начале 1983-го мне звонит Геннадий Красухин, влиятельный сотрудник «Литературной газеты», и предлагает написать рецензию на книгу Кожинова. «Не пропустят», – усомнился я. «Пропустят. Принято решение вернуть Кожинова в литературу», – заверил Красухин. В те годы публикация в официозной «Литгазете» означала «воскрешение» опального литератора.

Кому быть живыми хвалимым,
Кто должен быть мертв и хулим,
Известно у нас подхалимам
Влиятельным только одним.

Рецензию в «Литературке» так и не напечатали. Она вышла в конце 1983-го в скромной «Литературной России». Надеюсь, она хоть в какой-то мере помогла «реабилитации» Кожинова.

Возвращаясь к вашему вопросу, в частности, к словам о замалчивании таких критиков, как Кожинов, Лобанов, Палиевский, приведу любопытное высказывание. Оно принадлежит Павлу Литвинову, который наряду с Аликом Гинзбургом считается основоположником диссидентского движения в СССР. Кстати, Кожинов, человек поистине разносторонних интересов, был знаком с обоими. Литвинов сказал о Кожинове: «Этот человек заслуживает памяти, потому что он был замечательным энтузиастом».

Представляете, первый советский диссидент, безусловный идейный противник Вадима Валериановича, отдает ему дань уважения. А коммунистические начетчики, все эти доктора и кандидаты, въехавшие в науку на цитатах Ленина и Маркса, доказывая свою приверженность либерализму, пробудившуюся в них аккурат в 1991 году, пытаются замолчать, а то и выдавить из истории литературы выдающегося критика и мыслителя!

– Поговорим о сегодняшнем дне. Я прекрасно знаю, насколько большое внимание уделяет журнал молодым авторам, потому что и сам попал в журнал, благодаря этому. Расскажите о «молодежных» номерах «Нашего современника». Как давно они выходят? Кто за это время стал постоянным автором журнала?

– Вы говорите о журнале. Кожинов научил меня называть конкретные имена. Ни в коем случае не принижаю роли редакции. Публикуя молодых, она уже одним этим значительно повышает их статус. Напечататься в журнале Распутина и Белова – огромная честь. Но прежде чем стихи или рассказ появятся на страницах, кто-то должен прочесть их в рукописи, отобрать, поработать с автором, втиснуть в под завязку забитый план номера, а после публикации привлечь к ним внимание критиков, издателей, организаторов конкурсов. Это делает не журнал – конкретный человек, имеющий фамилию и имя. И от того, насколько ответственно и настойчиво он выполняет эту работу, зависит успех начинающего автора и в конечном счете успех журнала.

«Наш современник» начал печатать молодежные подборки с 2005 года. Первая была сформирована по итогам совещания в Переделкине. Выразительная деталь: в совещании участвовал Захар Прилепин, но тогдашние сотрудники отдела прозы отобрали не его, а некоего Фуфлыгина. Кстати, годом ранее я привез с семинара в Липках повесть Захара «Патологии» и предложил ее отделу прозы. Мне ответили: «Да у нас таких полно». В итоге Прилепин дебютировал не в «Нашем современнике», а в «Севере», повесть перевели на множество языков, молодой автор стал знаменитым.

В 2007-м именно Захара я попросил представить молодых. Он собрал великолепный номер из писателей своего поколения: Андрей Рубанов, Александр Карасев, Ирина Мамаева и он сам.

С 2008-го молодежные выпуски формирую я на основе семинаров в Липках. Первоначально печатали в основном молодых поэтов: Елизавету Мартынову, Марию Знобищеву, Карину Сейдаметову, Кристину Кармалиту. С 2014 года настало время прозы: Андрей Антипин, Елена Тулушева, Дмитрий Филиппов, Юрий Лунин, Андрей Тимофеев. Кого мы печатаем сегодня, показал очередной молодежный номер. Он вышел в начале осени.

– Я благодарен вам за то, что в 2016 году вы опубликовали мою статью о «новых традиционалистах», которые там довольно громко были названы «будущим русской литературы». Как вы сейчас оцениваете это явление? Может быть, то была с моей стороны лишь молодая горячка и стремление выдать желаемое за действительное? Состоялись ли «новые традиционалисты», на ваш взгляд, и есть ли у них будущее?

– Я смотрю на новое поколение не так масштабно, как вы. Станут ли «новые традиционалисты» «будущим русской литературы», мы узнаем десятилетия спустя. А то и вовсе не узнаем. Все зависит от вас.

А пока скажу: ребята, вам фантастически повезло! Нашлось несколько талантливых прозаиков примерно одного возраста, а это уже литературная группа. Нашелся идеолог, объявивший об их общности. Это я о вас, Андрей. Нашелся редактор и журнал, готовый вас печатать. Все козыри на руках.

О «новых традиционалистах» пишут академические «Вопросы литературы». Того и гляди начнут защищать диссертации. В разговоре со мной Ольга Брейнингер, американская писательница, родившаяся в России, обмолвилась о молодом авторе: «Эта проза ближе к “новым традиционалистам”». Видите, о вас уже за океаном знают! В нынешнем году Русский культурный центр в Париже представил серию видеоматериалов об Антипине, Тулушевой и о вас. Писать бы да писать! Но меня тревожит спад творческой динамики. Андрей Антипин давно не публиковал повестей. Его миниатюры хороши, но это только миниатюры. Дмитрий Филиппов уверяет, что пишет роман, но издает публицистику. Да и вы, Андрей, после «Пробуждения» ничего крупного не написали. Что случилось? Откуда эта творческая немощь при блестящих, казалось бы, перспективах?

Возможно, проблема в читателе. Точнее, в его отсутствии. Об этом прямо говорит Андрей Антипин в «Живых листьях». Можно ли создать литературу, не имея читательского отзыва? Даже у русской эмиграции первой волны была небольшая аудитория. А вот у второй ее не было, и ничего крупного она не создала, хотя авторы были талантливые (Иван Елагин).

Возможно, это какие-то внутренние проблемы – у каждого свои. Но, если вы замахнулись так широко («будущее русской литературы»), этому надо соответствовать.

– Каковы перспективы толстых журналов в России? Каковы перспективы «Нашего современника»?

– Не стоит специально выделять толстые журналы. А книжные тиражи не падают? Вся литература в беде. Вы, наверное, не застали, а я помню: входишь в вагон метро – все уткнулись в книги. Сейчас не вылезают из смартфонов, но загляните: читают единицы, большинство либо играют, либо переписываются. В киноиндустрии положение вроде бы лучше. Но уберите миллиардные программы поддержки, и российское кино исчезнет. Происходит деградация культуры. Расчеловечивание человека. Возможно, толстые журналы исчезнут. Но, боюсь, вместе с цивилизацией.

– Вы много лет вели в журнале рубрики «Дневник современника», «Поезд убирается в тупик», «Менеджер дикого поля», где рассуждали о проблемах нашего общества. Последняя из ваших опубликованных статей называлась «Новая ненормальность» и была посвящена «карантинным» событиям. В связи с этим хочу задать вопрос, на который, может быть, трудно ответить кратко: каким вы видите ближайшее будущее России? Есть ли позитивные явления, с которыми связаны ваши надежды?

– Не путайте: «Дневник современника» ¬¬¬– авторская рубрика, которую я вел в журнале с 1991 года. Печатал отклики на самые острые проблемы страны. А «Менеджер Дикого поля», «Поезд убирается в тупик» – циклы статей под этой рубрикой. Последний я так и не завершил, хотя оставалась всего одна статья. Внезапно ощутил, что потерял своего читателя. Наверное, есть несколько десятков тех, для кого я писал, – интеллектуалов, ценящих не нахрап (невзыскательная публика путает его с эмоциональностью), а аргументы, не туманные отсылки к конспирологии, а точные факты. Поэтому в моих работах так много ссылок на источники, чтобы читатель мог все проверить сам. Проверить, обдумать, решить, на чьей стороне правда. Недавно получил письмо, автор которого посмеивается над моими ссылками. Такая добросовестность кажется ему устаревшей. Деталь, характерная для нашего времени.

Я читаю множество статей: публицистика, политология. И обязательно просматриваю отклики. Это своего рода социологическое исследование. Обычно уже после третьего-четвертого о теме забывают и начинаются взаимные обвинения, порой матерные. В обществе царят нетерпимость и воинствующий антиинтеллектуализм.

Можно ли построить будущее на такой основе? Будущее надо проговорить – в спорах, дискуссиях, столкновениях мнений. Такую возможность сегодня искореняют и на личном, и на общественном уровне. В результате у России нет образа будущего. Провозглашают равнение на прошлое. На официальном уровне это «скрепы», а на бытовом люди просто тянутся к тому, что было. Запомнился комментарий: как хорошо было в Советском Союзе, может, мы еще отыщем дорогу в прошлое…

По-человечески понять их можно. Однако в ситуации, когда мир движется вперед – к новым технологиям, новой организации работ (та же удаленка), новым общественным отношениям (прямая демократия, совместное управление предприятиями с участием профсоюзов), стремиться в прошлое опасно. По сути, это означает добровольно уйти из истории.

В таком случае – откуда возьмется будущее? Но это пока еще (подчеркиваю: пока) не означает, что у России будущего нет. Все зависит от наших усилий. Я много лет бьюсь, доказывая: решающий фактор – самоорганизация масс. А мне в ответ: да что мы можем сделать? Синдром выученной беспомощности страшнее всего. К счастью, появляются первые признаки социального пробуждения: самоорганизация в Екатеринбурге, Шиесе, Хабаровске. За будущее надо бороться.

– Каковы ваши творческие планы? Над чем вы сейчас работаете? Есть ли крупные статьи или книги в планах?

– Я долго раздумывал: для кого писать? Если массовый читатель потерял способность воспринимать рациональные аргументы, к кому обращаться? К Господу Богу? Он и так знает все. Постепенно пришло мужество отчаяния: писать, несмотря ни на что. Я решил возродить рубрику «Дневник современника». Статья «Новая ненормальность», о которой вы упомянули, первая напечатанная под ней. А там, глядишь, и читатель появится. Те же хабаровчане. Или люди, которые придут вслед за ними.

Александр КАЗИНЦЕВ